

Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40–55.

Woman in Russian Society. 2024. No. 1. P. 40–55.

Научная статья

УДК 314.146

DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.3

**МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ
МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ
МОЛОДОЙ СЕМЬИ**

*Юрий Рудольфович Вишнеvский, Яна Викторовна Дидковская,
Ольга Борисовна Зырянова*

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия, j.r.vishnevsky@urfu.ru

Аннотация. На основе статистических данных, вторичном анализе социологических исследований и результатов собственного исследования — социологического мониторинга екатеринбургского студенчества 1999—2020 гг. обоснована необходимость отказа от гиперболизированной трактовки ряда угроз в брачно-семейной и демографической сфере, а также от соотнесения этих угроз сугубо с поведением молодежи. Результаты анализа позволяют оценить репродуктивные и матримониальные установки молодежи скорее позитивно: в сознании молодежи семья сохраняет свое значение как ведущая ценность, наблюдается превращение семьи из нормативно одобряемого паттерна в самоценность, сохраняется достаточно высокая оценка репродуктивной и воспитательной функций семьи, хотя ее роль видится в первую очередь во взаимной поддержке и совместном проведении досуга.

Ключевые слова: безопасность, молодая семья, молодежь, матримониальные установки, репродуктивные установки, молодежная политика, демографическая политика, культура безопасности

Для цитирования: Вишнеvский Ю. Р., Дидковская Я. В., Зырянова О. Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // *Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40–55.*

Original article

MATRIMONYAL AND REPRODUCTIVE ATTITUDES OF YOUTH IN THE CONTEXT OF YOUNG FAMILY SAFETY

Yuri R. Vishnevsky, Yana V. Didkovskaya, Olga B. Zyryanova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg,
Russian Federation, j.r.vishnevsky@urfu.ru

Abstract. The article, based on statistical data, secondary analysis of sociological research and the results of the authors' own research — sociological monitoring of Yekaterinburg students in 1999—2020, substantiates the need to abandon the hyperbolic interpretation of a number of threats in the marriage, family and demographic sphere. The authors also examine how these threats relate specifically to the behavior of youth. The results of the analysis make it possible to assess the reproductive and matrimonial attitudes of young people rather positively: in the minds of young people, the family retains its importance as a leading value, there is a transformation of the family from a normatively approved pattern into an intrinsic value, a fairly high assessment of the reproductive and educational functions of the family remains, although the role of the family is seen primarily turn in mutual support and joint leisure activities. The article establishes that the current and projected decline in fertility is not associated with the “deterioration” of the reproductive attitudes of the younger generation, but with the consequences of the demographic echo of the 1990s and serious factors limiting these attitudes — the risk of not providing the level of financial situation of the family and living conditions necessary for the upbringing and development of children.

Key words: safety, security, young family, youth, matrimonial attitudes, reproductive attitudes, youth policy, population policy, safety culture

For citation: Vishnevsky, Y. R., Didkovskaya, Y. V., Zyryanova, O. B. (2024) Matrimonial'nye i reproductivnye ustanovki molodëzhi v kontekste bezopasnosti molodoï sem'i [Matrimonial and reproductive attitudes of youth in the context of young family safety], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 1, pp. 40—55.

Постановка проблемы и выбор исследовательского подхода

Проблематика благополучия и устойчивости молодой семьи в последнее время активно обсуждается не только научным академическим сообществом [Гафиатулина и др., 2017; Назарова, Зеленская, 2019; Титаренко, 2022], но и в рамках общественно-политических дискуссий. Особенную остроту и болезненность теме придает постановка проблемы в ракурсе интерпретаций репродуктивных установок молодых россиян на фоне неблагоприятных демографических прогнозов [Котов, Грек, 2020; Ростовская и др., 2022; Гафизова, Цалко, 2023]. Это доказывает значимость вопроса и объясняет внимание к нему на государственном уровне, актуализирует проблему сохранения и развития молодой российской семьи в качестве магистрального направления государственной политики, но, к сожалению, и провоцирует спекулятивные выводы и заявления, которые могут стать псевдонаучными основаниями для непродуманных управленческих решений. В связи с этим задачей статьи является анализ ведущих трендов и установок репродуктивного и матримониального поведения молодежи

с целью обоснования отказа от гиперболизированной трактовки ряда угроз в брачно-семейной и демографической сфере, а главное — отказа от соотнесения этих угроз с поведением молодежи.

Предпринятый в статье анализ основывается на статистических данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат), характеризующих демографическое поведение россиян с 1990 г. по настоящее время; на вторичном анализе социологических исследований, посвященных благополучию молодой российской семьи и репродуктивным установкам молодежи; на результатах собственного исследования — социологического мониторинга екатеринбургского студенчества (1999—2020 гг., анкетный опрос студентов 13 вузов Екатеринбурга, использована квотно-гнездовая выборка, N = 2000, руководитель Ю. Р. Вишневецкий, при участии соавторов статьи).

Безопасность молодой семьи анализируется нами с позиций социологической школы В. Т. Лисовского, в рамках которой молодая семья рассматривалась с точки зрения достижения ее стабильности, понимаемой не как нечто неизменное, а в духе получившей в тот период широкое распространение теории «устойчивого развития» или преодоления дестабилизации [Голод, 1984; Лисовский, 2003]. Для анализа проблематики молодой семьи особенно важен акцент на первичной стабилизации семьи, которая характеризуется как наиболее сложная стадия в процессе семейного развития, испытывающая воздействие всей совокупности рискогенных факторов.

В Концепции государственной политики в отношении молодой семьи ее безопасность получила важный ориентир — сохранение и развитие благополучной семьи [Ростовская, 2007: 332]. Концепция имела развитие в ряде работ Т. К. Ростовской и ее коллег, выделивших в качестве критериев благополучия молодой семьи юридическую оформленность супружеских отношений, полноту семьи (родители и дети), экономическую обеспеченность, наличие условий для самореализации супругов (см., например: [Ростовская, Васильева, 2023]).

Для нас особенно значимо выделение в качестве критериев благополучной семьи условий для самореализации молодых супругов в различных сферах жизнедеятельности. Это во многом перекликается с самореализационной теорией культуры основателя уральской школы социологии культуры Л. Н. Когана. Согласно его концепции культура выступает мерой реализации сущностных сил человека, в процессе которой не только создаются ее материальные и духовные продукты, но и развивается сам человек. Она определяет специфику нашего социокультурного подхода к безопасности молодежи и молодой семьи, акцентирующего проблематику культуры безопасности [Вишневецкий, Зырянова, 2017].

Понятие «культура безопасности» подчеркивает наличие, наряду с безопасностью как *security* (связана с объективными факторами и обеспечивается воздействием на угрозы и риски, их минимизацией извне), безопасности как *safety* (связана с субъективным осмыслением и ощущением, пониманием безопасности). Думается, что наиболее удачно это отражено в известном ответе И. Валлерстайна на заданный им же вопрос: «Кто способен сегодня обеспечить нам повседневную безопасность? — Мы должны обеспечить ее для себя сами» [Валлерстайн, 2004: 28].

В представлениях о безопасности утвердилась и до сих пор сохраняется объективизационная тенденция (безопасность как *security*). Мы же полагаем, что

не менее значимо, особенно говоря о безопасности семьи, интерпретировать ее как устойчивость и ощущение благополучия вне отрыва от ценностных ориентаций и установок субъекта безопасности. Это предполагает социокультурный подход. Безопасность, по мнению Дж. П. Берджесса, «снова и снова проявляется как функция ценности, выраженной в терминах явной или неявной философии жизни, культуры, индивидуальных и коллективных тревог и стремлений, ожиданий относительно того, чем можно пожертвовать, а что стоит сохранить» [Burgess, 2011: 2]. Такую объективно-субъективную диалектику мы постарались учесть при анализе актуальных проблем безопасности молодой семьи на основе трендов и установок репродуктивного и матримониального поведения молодежи.

Результаты и дискуссия

Согласно анализу тенденций, осуществленному сотрудниками Института демографических исследований РАН, репродуктивное поведение россиян в последние десятилетия претерпело ряд трансформаций. Во-первых, широкое распространение получили практики планирования беременности; во-вторых, произошла смена среднететных (3—4 детей) репродуктивных установок на малодетные (1—2 ребенка); в-третьих, вырос средний возраст матери при рождении первенца [Демографическое развитие... , 2022: 5]. Помимо репродуктивных установок, изменения претерпели и нормы матримониального поведения россиян: повысился возраст вступления в первый официальный брак, а сожительство как вид отношений, предваряющих его регистрацию, стало популярной альтернативой официальному браку [Демографическое развитие... , 2022].

Подчеркнем, что наши коллеги (профессиональные демографы) не ставили задачу охватить все разнообразие произошедших за последние десятилетия трансформаций и изменений, они выделили основные. Это означает, что их подход может быть дополнен и уточнен с учетом специфики проблематики молодых семей.

В частности, в связи с распространившейся практикой планирования беременности можно говорить о заметно улучшившейся в сравнении с 1960—1980-ми гг. ситуации с контрацептивной культурой молодежи. В сочетании с повысившимся возрастом «сексуального дебюта» (по данным исследований, за эти годы он вырос на 3—4 года, достигнув в среднем у юношей и девушек 16—17 лет) резко сократилась частота подростковых беременностей [Девятых, 2005: 75; Стародубов, Суханова, 2012: 42].

При этом, говоря о демографических трендах рождаемости, нельзя не отметить такой важный тренд челоvекосбережения, как значительное снижение числа абортов за 2000—2020 гг. — почти в 4 раза, с 2138,8 тыс. до 553,5 тыс. Позитивно выглядит и изменение соотношения родов и абортов: на каждые 100 родов в 2000 г. приходилось 168,7 абортов, а в 2020 г. — только 38,8 [Демографический ежегодник... , 2021: 71]. Кроме того, по мнению В. Козлова и А. Ракши, для России, в отличие от развитых стран Запада, проблема абортов вообще не имеет молодежного характера: в России высоких показателей распространенности абортов среди молодежи уже нет, к абортам прибегают в основном

замужние женщины из более старших возрастных групп как методу планирования семьи [Козлов, Ракша, 2017].

Критика ряда аспектов репродуктивного и матримониального поведения молодежи часто связана с односторонней или даже искаженной трактовкой статистических данных. Так, рассуждения о более низкой рождаемости у молодых женщин как причине естественной убыли населения явно не учитывают характера многих относительных демографических индикаторов (коэффициентов рождаемости, смертности, естественного прироста/убыли и др.), рассчитываемых на «1000 человек населения, женщин, мужчин». Но ведь эта «тысяча» может иметь разное реальное наполнение в разные годы, например разное количество женщин в разных по репродуктивной активности возрастных группах.

Особо хотелось бы остановиться на сопоставлении коэффициентов брачности и разводимости, порождающих распространенные стереотипные суждения о «кризисе современной семьи»: «у нас распадается каждый второй-третий брак». Действительно, статистика браков и разводов последних лет не вызывает оптимизма (табл. 1).

Таблица 1

Динамика браков и разводов в России в 1990—2022 гг.

Демографические индикаторы	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2022
Браки на 1000 чел. населения	8,9	7,3	6,2	7,4	8,5	7,9	5,3	7,2
Разводы на 1000 чел. населения	3,8	4,5	4,3	4,2	4,5	4,2	3,9	4,7
Разводы на 1000 браков	427	616	693	568	529	532	736	653

Примечание. Сост. по: [Демографический ежегодник... , 2023: 50].

Однако если эту статистику понимать буквально, то приходим к абсурду: как видим, в отдельные годы должны были бы распасться 2 из 3 или даже 3 из 4 семей. Нерелевантность такого суждения состоит в том, что статистику браков и статистику разводов нельзя сопоставлять друг с другом, они фиксируют разные процессы: первая — прибавление новых семей (зарегистрированных за год) к тем, которые уже существовали; вторая — долю распавшихся из числа этих существовавших семей. Кроме того, свой вклад в данную картину вносят колебания доли молодежи, вступающей в брачный возраст. Анализ динамики браков и разводов с учетом этих обстоятельств показывает, что молодые семьи имеют значительные шансы сохранить устойчивость, доля браков, распадающихся в первый год своего существования, не превышает 3,5 % [Молодежь о будущем... , 2021: 322].

В ряду соотнесения некоторых демографических угроз с поведением молодежи особенно часто говорится о «нежелании» молодых россиянок и россиян иметь детей [Хожателева, 2020]. При этом нередко искажаются или игнорируются результаты социологических исследований. По данным нашего мониторинга, в среде студенчества 84 % молодых людей планируют когда-

нибудь стать родителями и лишь 16 % не планируют стать родителями даже в отдаленной перспективе (хотя допускаем, что мнение и этой группы респондентов на более позднем жизненном этапе может измениться в пользу деторождения). Среди тех, кто планирует в будущем стать родителями, среднее ожидаемое число детей («Я думаю, что у меня будет... детей») — 1,8, среднее желаемое число детей («Я хочу, чтобы у меня было... детей») — 1,9, среднее желаемое в идеальных условиях («Если бы у меня было все необходимое, то у меня было бы... детей») — 2,2.

Результаты опроса студентов примерно отражают стабильность суммарного коэффициента рождаемости, которую фиксируют и специалисты-демографы в течение последних 3 лет, — 1,5 ребенка на женщину [Щербакова, 2022]. Конечно, даже ожидаемое число детей в семье несколько ниже уровня, необходимого для обеспечения воспроизводства населения (2,1). Но анализ его изменения за последние 30 лет показывает: репродуктивная активность женщин из поколения родителей нынешних потенциальных рожениц была еще ниже. Например, в 1995 г. суммарный коэффициент рождаемости составлял 1,157, в 2000 г. — 1,195 [Ростовская, Васильева, 2023].

Депопуляция в России часто соотносится и с отмеченным выше трендом роста возраста матери при рождении первенца и последующих детей. Существенный резонанс получило высказывание министра здравоохранения РФ М. А. Мурашко, назвавшего «порочной практикой желание молодых россиянок сперва получить высшее образование, сделать карьеру, добиться материального благополучия и лишь потом подумать о том, чтобы стать матерью» [Анисимова, 2023]. Нам понятна озабоченность министра, тем более что в стране за последние годы, несмотря на разнообразные меры социальной поддержки семей и рождаемости [Bagirova et al., 2021], не удается преодолеть демографический кризис и депопуляцию. Однако ошибочность подобных обобщений проявляется в свете серьезного научного социально-демографического анализа. Прежде всего, рост возраста женщины, становящейся матерью, — это сложившийся в России тренд. Растет удельный вес женщин-матерей из старших возрастных групп в пределах репродуктивного возраста (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика доли родившихся живыми по возрастным группам матерей
в общем числе родившихся живыми в России за 1990—2020 гг., %**

Год	Группа женщин по возрасту, лет							
	15—17	18—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49
1990	2,7	11,1	36,6	27,0	15,6	5,9	1,0	0,0
2020	0,8	2,7	17,2	28,2	30,6	16,6	3,6	0,2

Примечания. Опущена доля женщин 50 лет и старше и тех, чей возраст неизвестен.
Рассчитано по: [Демографический ежегодник... , 2021: 57].

Если в 1990 г. каждого второго ребенка родила женщина в возрасте до 25 лет, то в 2020 г. — женщина старше 30 лет.

Указанный тренд не специфически российское явление, он носит глобальный характер. Как отмечали авторы обзора исследований рождаемости в

развитых странах, процесс перехода к рождению первого ребенка в более позднем возрасте (postponement transition) — главный феномен последних десятилетий [Balbo et al., 2013]. Причем исследователи обращали внимание на более широкое понимание этого феномена, выделяя не только сдвиг деторождения в сторону более позднего возраста и сопутствующее снижение рождаемости в более молодом возрасте, но и последующее восстановление, компенсаторное повышение рождаемости в более старшем репродуктивном возрасте [Sobotka et al., 2011].

Приведенные в таблице 2 данные о репродуктивном поведении российских женщин показывают, что и для многих из них откладывание рождения ребенка (особенно первенца) отнюдь не равнозначно отказу от его рождения. И пренебрегать этим неправомерно даже во имя благих целей преодоления депопуляции в России, тем более что сегодняшние упреки часто обращены к малочисленному поколению, родившемуся в «лихие 1990-е». За 2002—2020 гг. численность женщин репродуктивного возраста сократилась в России на 5,5 млн человек [Молодежь о будущем... , 2021: 314]. С учетом эффекта демографического эха спада рождаемости в кризисных 1990-х мы имеем сегодня такую ситуацию: объективно потенциальных рожениц меньше, однако рожают они даже больше, суммарный коэффициент рождаемости в 2000 г. — 1,2, а в 2020 г. — 1,5. Отметим еще один важный момент: численность женщин в возрастных группах 30—34 и 35—39 лет, сегодня лидирующих в реализации отмеченного компенсаторного повышения рождаемости, явно превышает численность переходящего в ближайшие годы в эти возрастные группы поколения женщин, рожденных в 1990-х гг. Это означает неправомерность иллюзий о слишком скором преодолении «демографической ямы» рубежа XX—XXI вв.

Применительно к молодым семьям речь соответственно должна идти о понимании, что предстоящее в ближайшие годы снижение рождаемости в России (по прогнозу Росстата, в 2024 г. — 1,321 млн, в 2025 г. — 1,332 млн, в 2026 г. — 1,352 млн, в 2027 г. — 1,374 млн [Росстат опубликовал демографический прогноз... , 2023]) связано с этими молодыми семьями скорее количественно (малочисленность потенциальных матерей), нежели качественно (их установки и ценностные ориентации).

Результаты нашего мониторинга позволяют оценить эти установки в основном позитивно. Семья сохраняет свое значение как ведущая ценность, получая на всех этапах мониторинга поддержку каждого второго или двух из каждых трех респондентов и устойчиво занимая 1—2-е места в ранговом ряду терминальных ценностей студенческой молодежи (табл. 3). Кроме семьи как ценности, контекстуально связанной с демографическим поведением молодежи, существенно важным для студентов на протяжении практически всего мониторинга остается здоровье, опережая значимость богатства и денег. Обращаем внимание на возросшую значимость для студенческой молодежи самореализационных установок с 5 % в 1999 г. до 31 % в 2007 г. и сохранение этого тренда до 2020 г. Однако самореализацию, на наш взгляд, не стоит противопоставлять ценности семьи, поскольку она может предполагать различные варианты, в том числе самореализацию в сфере семьи, в воспитании успешных и счастливых детей [Багирова, Шубат, 2017].

Таблица 3

Динамика терминальных ценностей студенческой молодежи
с 1999 по 2020 г., % от числа ответивших

Ценности	Г о д						
	1999	2003	2007	2009	2012	2016	2020
Семья, дети, родители	65	60	67	68	48	70	60
Здоровье	21	67	63	61	51	48	52
Деньги, богатство, бизнес	27	56	49	47	37	34	44
Возможность реализовать свои способности	5	24	31	33	31	31	33
Самостоятельность, независимость, свобода	22	33	30	28	20	17	32
Интересная творческая работа	24	39	47	42	24	22	29
Общение с друзьями	35	51	44	41	19	14	18
Получение удовольствий от жизни	17	27	20	18	17	11	16
Образованность, профессионализм	21	27	37	33	16	14	14
Личная безопасность	14	27	16	15	7	5	13
Признание окружающих, престиж, власть	2	12	10	12	6	12	13

В оценке функций семьи на первый план в ответах респондентов, особенно девушек, вышли психологическая поддержка и общение (77 %), совместный досуг (70 %), что отражает превращение семьи из нормативно одобряемого паттерна (вариант «чтобы соответствовать общепринятым нормам» выбрали лишь 6 % респондентов) в самооценку (рис. 1).

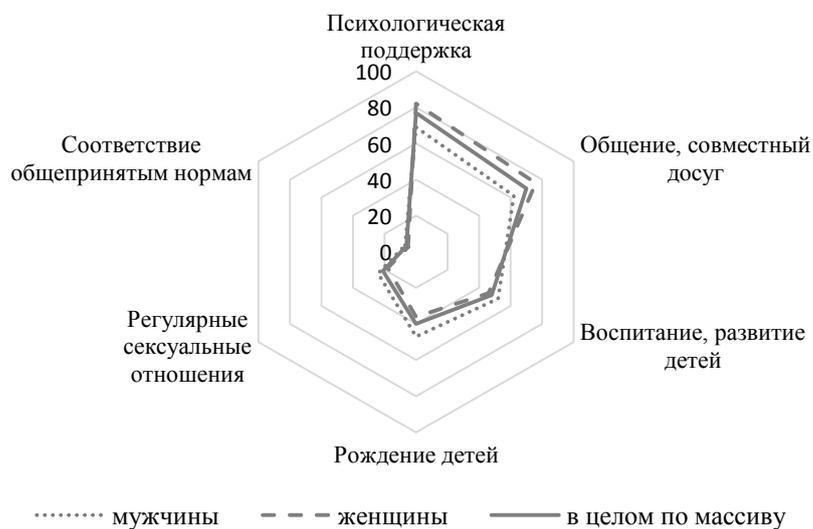

Рис. 1. Значимость функций семьи в оценках студентов, 2020 г., % от числа ответивших

В целом сохраняется достаточно высокая оценка репродуктивной функции семьи («для рождения детей» — 40 %) и воспитательной («для воспитания и развития детей» — 48 %). Причем в том, что воспитание и развитие детей оценивается студентами как более важное, чем их рождение, мы фиксируем осознанное и ответственное отношение к родительству со стороны молодого поколения. Как видим, имеется некоторая гендерная специфика в осмыслении значимости и функций семьи: девушки несколько реже (36 и 46 %), чем юноши (47 и 52 %), видят предназначение семьи в рождении и воспитании детей, в чем, на наш взгляд, и проявляется тренд женской части молодежи на отложенное рождение детей ради завершения образования и профессиональной карьеры. Учитывая выявленное социологами влияние гендерного дисбаланса в распределении семейных ролей на удовлетворенность семейной жизнью, мы поддерживаем позицию Е. В. Панкратовой и О. А. Хасбулатовой: сегодня не следует навязывать молодой семье гендерные стереотипы, «относящие семью к области ответственности женщин, а необходимо создавать условия, позволяющие супругам выбрать эффективные стратегии совмещения профессиональных и семейных ролей» [Панкратова, Хасбулатова, 2018: 49].

Как мы указывали выше, отложенное рождение детей не равнозначно отказу от него, поскольку лишь у одного из шести (у девушек — одной из семи) в планах на будущее нет родительства. Все виды предпочитаемого количества детей («ожидаемое» — 1,8, «желаемое» — 1,9, «желаемое в идеальных условиях» — 2,2) выше суммарного коэффициента рождаемости на момент опроса, тем не менее лишь последний — «идеальный» — близок к норме естественного воспроизводства. В связи с этим при разработке мер по поддержке молодых семей важно учесть мнение молодежи о факторах, от которых зависит количество детей в семье (табл. 4).

Таблица 4

Факторы, определяющие количество детей в семье, в оценках студентов, 2020 г., % от числа ответивших

Факторы	Мужчины	Женщины	В целом по массиву
Материальное положение семьи	79	83	81
Жилищные условия	49	49	49
Физическое здоровье потенциальных родителей	40	53	48
Взаимоотношения потенциальных родителей	42	48	46
Внутренняя потребность в определенном количестве детей	26	28	27
Уверенность, что родится здоровый ребенок	18	22	20
Случайное стечение обстоятельств	16	16	16
Государственные меры поддержки	12	12	12
Уровень занятости женщины	5	10	8
Готовность родителей помочь детям в воспитании их детей	9	6	7

Наиболее значимы для принятия решения о числе детей в семье, согласно мнению наших респондентов, внешние факторы — материальное положение

семьи и жилищные условия, что отражает основные риски и угрозы безопасности молодой семье в ощущениях молодежи — снижение уровня жизни, рост цен, инфляцию [Дидковская и др., 2022]. Соответственно меры поддержки семьи должны быть направлены в первую очередь именно на это. Еще сильнее «ощущение небезопасности и неуверенности» проявляется в двух других факторах — физическом здоровье потенциальных родителей и уверенности, что родится здоровый ребенок. Эти результаты коррелируют с выводами исследования Д. А. Котова и Н. В. Грека, согласно которым ведущую роль при откладывании рождения ребенка семейными парами играют неудовлетворенность доступностью качественного медицинского обслуживания, стабильностью заработка, доступностью детских учреждений и инфраструктуры [Котов, Грек, 2020].

В оценках респондентами преимуществ и недостатков родительства на первый план выходят следующие приоритеты: ощущение полноты, осмысленности жизни (средний балл в целом по массиву 1,5), оптимизация отношений супругов в семье (1,1 балла), возможности получения удовольствия от жизни (0,9 балла) (рис. 2).

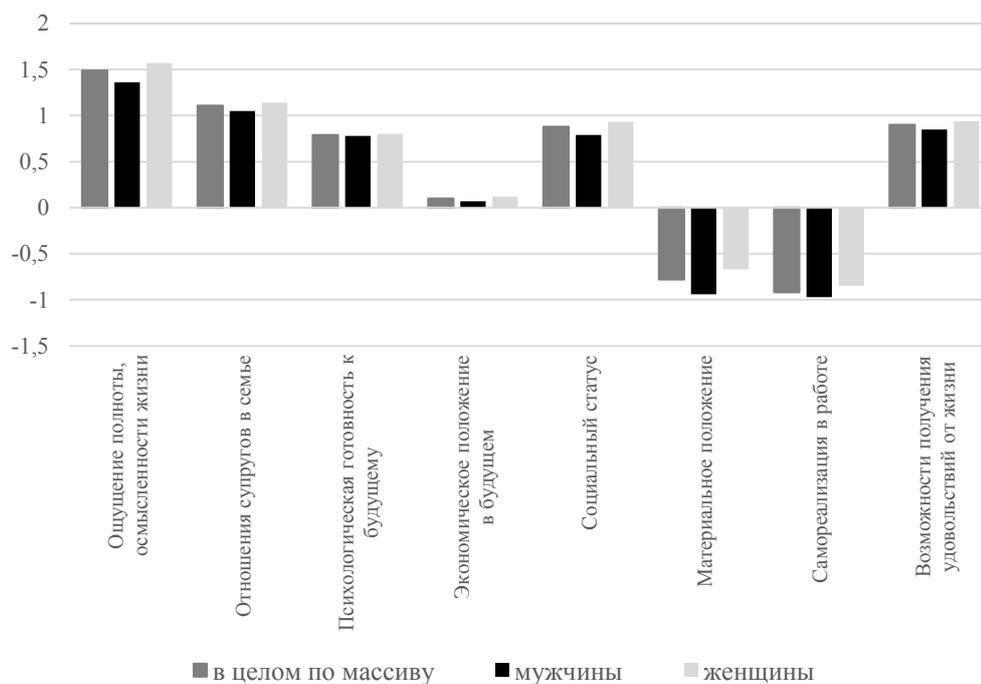

Рис. 2. Оценки преимуществ и недостатков родительства, средний балл (средние баллы рассчитаны в диапазоне условных значений от 2 — преимущество до -2 — недостаток)

Подчеркнем, что эти ответы если и не опровергают, то ставят под большое сомнение основную «претензию» к молодежи — нежелание отказаться от жизненных удовольствий ради семьи и рождения детей: в сознании молодых людей родительство совсем не противоположно удовольствиям от жизни, а составляет их органичную часть.

Что касается недостатков родительства, то респонденты соотносили их прежде всего с усилением трудностей самореализации в работе (средний балл в целом по массиву $-0,92$) и ухудшением материального положения семьи (средний балл $-0,78$). На их смягчение и должна быть направлена политика государства по укреплению безопасности молодой семьи.

Заключение

Подводя итог нашему исследованию безопасности молодой семьи на фоне анализа матримониальных и репродуктивных установок молодежи и более общих трендов демографического поведения россиян, мы можем заключить следующее.

1. Молодежь, несмотря на склонность к отложенному рождению детей, в перспективе ориентирована на ответственное родительство, а при наличии идеальных условий (достижения важных критериев благополучия — материального достатка, достойных жилищных условий, возможностей самореализации в различных сферах) существенная ее часть была бы готова к рождению и воспитанию 2 и более детей.

2. Сдерживающими факторами для репродуктивных установок молодежи выступают внешние по отношению к семье риски и угрозы, прежде всего риск не обеспечить необходимый для воспитания и развития детей уровень материального положения семьи и жилищные условия.

3. В структуре терминальных ценностей молодых россиян семья стабильно занимает доминирующее положение, при этом роль семьи для них заключается в первую очередь во взаимной поддержке и совместном проведении досуга; однако воспитательная и репродуктивная функция семьи по-прежнему значимы для молодежи.

4. Угроза «ухода в демографическую яму» вполне реальна в ближайшей перспективе, но не из-за недостаточно «традиционных» ценностей и «неправильных» репродуктивных установок молодежи и не вследствие роста числа аборт (оно, напротив, стабильно сокращается в России), а по причине демографического эха 1990-х гг. и серьезных барьеров, препятствующих компенсации отложенного рождения детей более старшими возрастными группами (после 30 лет), — неудовлетворенности качеством и доступностью медицинского обслуживания, материальным положением и жилищными условиями.

С учетом существующей зависимости — чем выше благосостояние семей, тем больше детей они заводят, необходимо дальнейшее углубление ориентации демографической и молодежной политики на благополучие молодых семей. Добавим, что значимо не просто совершенствование образовательного, профессионального и карьерного роста молодежи, освоение ею современных информационных технологий, но и их растущее влияние на ее благополучие, что напрямую связано с последовательным проведением политики «справедливого неравенства». Заслуживают внимания и реализации предложения демографов о коррекции материнского капитала в плане дифференциации его в зависимости от очередности детей — переход к «аккордному финансированию» и увеличению его размера при рождении второго ребенка и последующих детей.

Особенно важно изменить тональность отношения к молодежи и молодой семье: от критики, как мы попытались показать, далеко не всегда обоснованной, — к поддержке ее матримониальных и репродуктивных установок.

Список источников

- Анисимова Н. Мурашко назвал «порочным» стремление отложить рождение детей ради карьеры // РБК. 2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/07/2023/64b68eae9a79475ae4f59dab?from=sory> (дата обращения: 03.01.2024).
- Багирова А. П., Шубат О. М. Семья и родительство сквозь призму мнений студенток // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 126—131.
- Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. М.: Логос, 2004. 368 с.
- Вишневский Ю. Р., Зырянова О. Б. Культура безопасности в системе культуры жизни // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3, № 1. С. 32—41.
- Гафиатулина Н. Х., Верещагина А. В., Самыгин С. И. Социальное здоровье молодой семьи: показатели и уровни оценки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8—9. С. 21—25.
- Гафизова Н. Б., Цалко Е. О. Восприятие бездетности современной молодежью: (региональный аспект) // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 120—132.
- Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984. 136 с.
- Девярых С. Ю. Возраст, мотив и ретроспективная оценка гетеросексуального дебюта в юношеском возрасте // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2005. Т. 4, № 3. С. 75—79.
- Демографический ежегодник России, 2021. М.: Росстат, 2021. 256 с.
- Демографический ежегодник России, 2023. М.: Росстат, 2023. 170 с.
- Демографическое развитие России в контексте национальной безопасности. М.: Проспект, 2022. 264 с.
- Дидковская Я. В., Вишневский Ю. Р., Зырянова О. Б. Социальная безопасность студенческой молодежи как субъективное восприятие рисков // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 57—70.
- Козлов В., Ракиа А. Аборты в современной России. Некоторые особенности // Аист на крыше: демографический журнал. 2017. № 4. С. 6—15.
- Котов Д. А., Грек Н. В. Трансформация репродуктивного поведения в контексте жизненных стратегий российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 499—517.
- Лисовский В. Т. Молодежь: любовь, брак, семья: социологическое исследование. СПб.: Наука, 2003. 365 с.
- Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов грядущего: (по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества 1995—2020 гг.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 372 с.
- Назарова И. Б., Зеленская М. П. Брак, семья, обучение: установки и представления студентов // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 78—89.
- Панкратова Е. В., Хасбулатова О. А. Концепция качества семейной жизни в социологии: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 43—52.

- Росстат опубликовал демографический прогноз до 2046 года. 2023 // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709> (дата обращения: 03.01.2024).
- Ростовская Т. К. Социальная работа с молодежью: сборник нормативных правовых документов. М.: ИНФРА-М, 2007. 620 с.
- Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Стратегии формирования благополучия студенческих семей: (по результатам глубинного интервью) // *Logos et Praxis*. 2023. Т. 22, № 2. С. 67—80.
- Ростовская Т. К., Золотарева О. А., Васильева Е. Н. Модели матримониального и репродуктивного поведения российской молодежи // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15, № 3. С. 184—199.
- Стародубов В. И., Суханова Л. П. Репродуктивные проблемы демографического развития России. М.: Менеджер здравоохранения, 2012. 320 с.
- Титаренко Л. Г. Молодая белорусская семья: между государственной социальной политикой и влиянием ценностей демографического перехода // *Женщина в российском обществе*. 2022. № 3. С. 118—130.
- Хожателева Ю. Выросло поколение чайлдфри: половина молодых россиян не планирует заводить детей // *Комсомольская правда*. 2020. 1 октября. URL: <https://www.kp.ru/daily/217189/4297010/> (дата обращения: 03.01.2024).
- Щербакова Е. Демографические итоги I полугодия 2022 года в России // *Демоскоп Weekly*. 2022. № 957—958. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2022/0957/barom01.php> (дата обращения: 20.12.2023).
- Bagirova A., Kuznetsova E., Blednova N. State Support for families with children during the COVID-19 Pandemic in Russia: institutional grammar tool analysis // *Public Policy and Administration*. 2021. Vol. 20, № 3. P. 431—442.
- Balbo N., Billari F. C., Mills M. Fertility in advanced societies: a review of research // *Eur J Population*. 2013. № 29. P. 1—38.
- Burgess J. P. *The Ethical Subject of Security: Geopolitical Reason and the Threat Against Europe*. London: Routledge, 2011. 248 p. (PRIO New Security Studies).
- Sobotka T., Zeman K., Lesthaeghe R., Frejka T. Postponement and recuperation in cohort fertility: new analytical and projection methods and their application // *Comparative Population Studies*. 2011. № 2—3. P. 417—452.

References

- Anisimova, N. (2023) Murashko nazval “porochnym” stremlenie otlozhit’ rozhdenie detei radi kar’ery [Murashko called the decision to postpone having children for the sake of a career “vicious”], *RBC*, available from <https://www.rbc.ru/politics/18/07/2023/64b68eae9a79475ae4f59dab?from=copy> (accessed 03.01.2024).
- Bagirova, A., Kuznetsova, E., Blednova, N. (2021) State support for families with children during the COVID-19 Pandemic in Russia: institutional grammar tool analysis, *Public Policy and Administration*, vol. 20, no. 3, pp. 431—442.
- Bagirova, A. P., Shubat, O. M. (2017) Sem’ia i roditel’stvo skvoz’ prizmu mnenii studentok [Family and parenting in the light of the students views], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 126—131.
- Balbo, N., Billari, F. C., Mills, M. (2013) Fertility in advanced societies: A review of research, *Eur J Population*, no. 29, pp. 1—38.

- Burgess, J. P. (2011) *The Ethical Subject of Security: Geopolitical Reason and the Threat Against Europe*, London: Routledge.
- Deviatykh, S. Iu. (2005) Vozrast, motiv i retrospektivnaia otsenka geteroseksual'nogo debiuta v iunosheskom vozraste [Age, motive and retrospective assessment of heterosexual debut in adolescence], *Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 4, no. 3, pp. 75—79.
- Demograficheskii ezhegodnik Rossii, 2021* (2021) [Demographic Yearbook of Russia, 2021], Moscow: Rosstat.
- Demograficheskii ezhegodnik Rossii, 2023* (2023) [Demographic Yearbook of Russia, 2023], Moscow: Rosstat.
- Demograficheskoe razvitie Rossii v kontekste natsional'noi bezopasnosti* (2022) [Demographic development of Russia in the context of national security], Moscow: Prospekt.
- Didkovskaya, Ya. V., Vishnevsky, Yu. R., Zyryanova, O. B. (2022) Sotsial'naia bezopasnost' studencheskoï molodëzhi kak sub'ektivnoe vospriiatie riskov [Social security of student youth as a subjective perception of risks], *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 8, no. 4, pp. 57—70.
- Gafiatulina, N. Kh., Vereshchagina, A. V., Samygin, S. I. (2017) Sotsial'noe zdorov'e molodoï sem'i: pokazateli i urovni otsenki [Social health of a young family: indicators and assessment levels], *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, no. 8—9, pp. 21—25.
- Gafizova, N. B., Tsalko, E. O. (2023) Vospriiatie bezdetnosti sovremennoï molodëzh'iu: (Regional'nyi aspekt) [Perception of childlessness by modern youth: (Regional aspect)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 120—132.
- Golod, S. I. (1984) *Stabil'nost' sem'i: sotsiologicheskii i demograficheskii aspekty* [Family stability: sociological and demographic aspects], Leningrad: Nauka.
- Khozhatel'eva, Iu. (2020) Vyroslo pokolenie chaïldfri: polovina molodykh rossiian ne planiruet zavodit' detei [The childfree generation has grown up: half of young Russians do not plan to have children], *Komsomol'skaia pravda*, October 1, available from <https://www.kp.ru/daily/217189/4297010/> (accessed 03.01.2024).
- Kotov, D. A., Grek, N. V. (2020) Transformatsiia reproduktivnogo povedeniia v kontekste zhiznennykh strategiï rossiiskoi molodëzhi [Transformation of reproductive behavior in life strategies of the Russian youth], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 3, pp. 499—517.
- Kozlov, V., Raksha, A. (2017) Aborty v sovremennoï Rossii. Nekotorye osobennosti [Abortion in modern Russia. Some features], *Aist na kryshe: Demograficheskii zhurnal*, no. 4, pp. 6—15.
- Lisovskii, V. T. (2003) *Molodëzh': Liubov', brak, sem'ia: Sotsiologicheskoe issledovanie* [Youth: Love, marriage, family: Sociological research], St. Petersburg: Nauka.
- Molodëzh' o budushchem Rossii i o sebe: vyzovy nastoiashchego i konstruirovaniie gorizontov griadushchego: (Po materialam VIII ètapa monitoringa dinamiki sotsiokul'turnogo razvitiia ural'skogo studenchestva 1995—2020 gg.)* (2021) [Youth about the future of Russia and about themselves: challenges of the present and constructing horizons for the future: (Based on materials from the VIII stage of monitoring the dynamics of socio-cultural development of Ural students 1995—2020)], Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Nazarova, I. B., Zelenskaia, M. P. (2019) Brak, sem'ia, obuchenie: ustanovki i predstavleniia studentov [Marriage, family, training: students' social attitudes and representations], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 78—89.

- Pankratova, E. V., Khasbulatova, O. A. (2018) Kontseptsiiia kachestva semeinoi zhizni v sotsiologii: gendernyi aspekt [The concept of family life quality in sociology: gender aspect], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 43—52.
- Rosstat opublikoval demograficheskiĭ prognoz do 2046 goda (2023) [Rosstat published a demographic forecast until 2046], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki*, available from <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709> (accessed 03.01.2024).
- Rostovskaia, T. K. (2007) *Sotsial'naia rabota s molodezh'iu*: Sbornik normativnykh pravovykh dokumentov [Social work with youth: A collection of normative legal documents], Moscow: INFRA-M.
- Rostovskaia, T. K., Vasil'eva, E. N. (2023) Strategii formirovaniia blagopoluchiia studentcheskikh semei: (Po rezul'tatam glubinnogo interv'iu) [Strategies for forming the well-being of student families: (By the results of in-depth interview)], *Logos et Praxis*, no. 2, pp. 67—80.
- Rostovskaia, T. K., Zolotareva, O. A., Vasil'eva, E. N. (2022) Modeli matrimonial'nogo i reproduktivnogo povedeniia rossiiskoi molodezhi [Models of matrimonial and reproductive behavior of Russian youth], *Ėkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 15, no. 3, pp. 184—199.
- Shcherbakova, E. (2022) Demograficheskie itogi I polugodiia 2022 goda v Rossii [Demographic results of the first half of 2022 in Russia], *Demoscop Weekly*, no. 957—958, available from <https://www.demoscope.ru/weekly/2022/0957/barom01.php> (accessed 20.12.2023).
- Sobotka, T., Zeman, K., Lesthaeghe, R., Frejka, T. (2011) Postponement and recuperation in cohort fertility: new analytical and projection methods and their application, *Comparative Population Studies*, no. 2—3, pp. 417—452.
- Starodubov, V. I., Sukhanova, L. P. (2012) *Reproduktivnye problemy demograficheskogo razvitiia Rossii* [Reproductive problems of demographic development of Russia], Moscow: Menedzher zdavookhraneniia.
- Titarenko, L. G. (2022) Molodaia belorusskaia sem'ia: mezhdū gosudarstvennoi sotsial'noi politikoĭ i vliianiem tsennosteĭ demograficheskogo perekhoda [The young Belarusian family: between the state social policy and the influence of the values of demographic transition], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 118—130.
- Vallerstain, I. (2004) *Konets znakomogo mira: Sotsiologiiia XXI veka* [The end of the world as we know it: Social science for the XXI century], Moscow: Logos.
- Vishnevsky, Yu. R., Zyryanova, O. B. (2017) Kul'tura bezopasnosti v sisteme kul'tury zhizni [Safety culture in the life culture system], *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniia*, no. 1, pp. 32—41.

Статья поступила в редакцию 04.01.2024; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 25.01.2024.

The article was submitted 04.01.2024; approved after reviewing 18.01.2024; accepted for publication 25.01.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Вишнеvский Юрий Рудольфович — доктор философских наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, j.r.vishnevsky@urfu.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor at the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation).

Дидковская Яна Викторовна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, i.v.didkovskaia@urfu.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation).

Зырянова Ольга Борисовна — ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, o.b.zuryanova@urfu.ru (Assistant at the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation).